

Калдовские *Миры*

С ФЕЯМИ ШУТКИ ПЛОХИ

ЧУДОВИЩА ИЗ НОРВУДА

ОДИННАДЦАТЬ ДНЕЙ ВЕЧНОСТИ

БЕЗОБРАЗНАЯ ЖАННА

БОЛЬШЕ ЖИЗНИ, СИЛЬНЕЕ СМЕРТИ

КИРА ИЗМАЙЛОВА

Больше жизни,
сильнее смерти

Москва

2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
ИЗ7

Разработка серийного оформления
Ф. Барбышева, А. Саукова

Иллюстрация на переплете
С. Дудина

Измайлова, Кира Алиевна.

ИЗ7 Больше жизни, сильнее смерти / Кира Измайлова. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 352 с. — (Колдовские миры Киры Измайловой).

ISBN 978-5-699-99681-0

Некромант повержен, армия мертвецов разбита... И что теперь делать ее командиру, впервые за сотни лет получившему свободу? Конечно, раскинуть гадальные камни и заглянуть в будущее! Итак, что у нас в раскладе? Беглая княжна, колдуны-недоучки, призрак давно почившей красавицы, древнее сокровище, погони и, надо же, любовь! И кто же эта смелая, кто отважится разделить с ним дорогу к далекому дому? Камни молчат... А сердце?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-99681-0

© Измайлова К.А., 2017
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Глава 1

Небо на востоке понемногу светлело. Давно я не встречал рассвет, забыл уже, как это выглядит. Не представлялось случая полюбоваться восходом.

Я сидел на пригорке и смотрел в небеса, поскольку больше заняться было нечем. Вокруг бестолково шатались поднятые моим хозяином мертвецы, то и дело сталкивались друг с другом, падали... Выглядели они преотвратно, к тому же большинство оглушительно воняло.

Сдается, противник обычно драпал от моего отряда не столько потому, что боялся драки, сколько из-за этой вот вони, в особенности если мы заходили с наветренной стороны. Хотя и драться с мертвяками — дело нелегкое, даже если забыть про запах и гадостный вид. Они хоть и неповоротливы и в большинстве своем совершенно безмозглы (в самом прямом смысле слова, мозги почему-то особенно быстро отказывают), зато если уж науськаны как следует, не остановятся ни перед чем и противника в покое не оставят.

То, что они на ходу разваливаются, ерунда, вон один безногий ползает... Приполз к пригорку, пытается грызть мою ногу, завидует, наверно. Ладно, пусть уж грызет, бедолага, сапог ему не прокусить...

Мертвяки отчего-то всегда страшно голодны, а поскольку они дохлые, наестся им не светит. Но они-то этого не понимают, потому и бросаются на все, что шевелится, в надежде поживиться. Загрызть, может, не загрызут, но потопчут и искусают изрядно, особенно если навалятся кучей. А на зубах у них столько всякой дряни, что... Словом, лучше мертвяков близко не подпускать, опасное это дело.

А уж сражаться с ними — хуже не придумаешь. Возни много, а толку мало: мертвого-то второй раз не убьешь! Хороший боевой маг с ними, конечно, легко управится, но где их взять, хороших? А так — разве только на мелкие куски порубить или сжечь, тогда угомонятся. Но рубить — это долго, к тому же пока одного рубишь, остальные тебя самого живо разделают, так что огонь надежнее. Но и подпалить мертвяков не так-то просто, они хоть и безмозглые, сами в огонь не полезут, а загнать их туда — поди попробуй!

Помню, брали мы недавно замок, вот там кто-то хорошо придумал... Наливали в горшки смолу, масло, жир... Что нашлось, словом, поджигали, да в мертвяков со стен швыряли. Полыхало славно, да только горючее-то у защитников замка быстро закончилось, на мертвяков все перевели. Ну а живые наши отряды в сторонке отсиживались, чтобы не получить котел горячей смолы на голову. Уцелели, а там и в атаку пошли. Замок тот мы взяли без особого труда.

А сегодняшний наш противник к нам и вовсе не сунулся. Командование решило, наверно, что раз хозяина нашего убили, то мертвяки живенько упокоятся, а может, с рассветом прахом станут. Знаю я эти сказки...

Однако вон уже и солнышко над лесом показалось, а ничего моей дохлой команде не сделалось. Повезло местным жителям, нечего сказать: по окрестным лесам долго еще мертвяки шастать будут! Они ведь, пока передвигаться могут да окончательно на куски не развалятся, не уймутся. Хозяин помер, его воля мертвяков больше не держит, а своей у них нет, только голод да злоба остались...

Оно лишь звучит красиво: «армия восставших мертвецов»! А вот выглядит эта армия гнуснее некуда, к тому же тупа, как стадо баранов. Я слышал, крестьяне козлов приспособили овечьи стада водить — те сообразительнее. Только что баран, что козел, все одно — скотина!

До мертвяка наконец дошло, что мой сапог ему не по зубам, и он подтянулся повыше, целясь цапнуть меня за колено. Пришлось двинуть по морде, чтобы не наглел. Мертвяк скатился с пригорка, потеряв по пути челюсть (хлипкий попался, не так уж сильно я его приложил), и притих.

Итак, возвращаясь к нынешнему положению... Мы наголову разбиты. Хозяин погиб, причем глупо до крайности — от случайной стрелы, которая и не ему была назначена: все же знают, что в мага стрелять бесполезно! Метили наверняка в кого-то из тех, кто с воздуха заходил. Промахнулись, конечно, в хозяйских пташек попасть не так-то просто. Стрела — такой доспехи пробить можно! — с высоты и клюнула, а хозяин то ли вокруг себя защитные магические стенки навел, а сверху прикрыться не озаботился, то ли еще что... Итог один: он помер, мертвяки разбрелись, прочие — кто сдался, кого убили, противник торжествует. А мне-то что теперь делать?

Когда выполняешь хозяйский приказ — оно проще, много думать не надо. Прежде я мог и камешки гадальные бросить, чтобы спросить, как быть: сражаться до победного конца, сдаться, сбежать, пойти и удавиться на ближайшем дереве... А сейчас и выбора особого нет. Да и камешков-то нет. Надо новых набрать, кстати. Вдруг да пригодятся?

Мертвяки зашевелились, собираясь к моему пригорку. За своего они меня не считают, значит, скоро накинутся всей стаей. Сделать ничего не сделают, но мало приятного в том, чтобы оказаться в толпе полурасложившихся тел! Увы, нынешний мой хозяин был не чета первому, тот хоть покойников свежих старался подыскивать, а этот набрал с миру по нитке.

Ладно, рассуждать можно и на ходу. Я поднялся и зашагал в сторону леса, временами обходя собирающихся в кучки мертвяков и поглядывая под ноги. Нападения не опасался, живых тут уже нет, мародеры тоже сунуться не рискнут, а рискнут — это уж их проблемы. Нет, меня интересовало кое-что другое.

Для начала следовало определиться — за кого себя выдать? Ладно, по дорогам нынче бродит превеликое множество народу, в том числе и при оружии, — от бандитов до наемников (хотя разница подчас невелика), так что я особенно в глаза бросаться не буду. Или буду?

Я присмотрелся к нескольким свежим покойникам (не повезло этому отряду нарваться на мой) и призадумался. Это не ополченцы, солдаты, вон форма на них. Может, содрать мундир, какой поцелее, да прикинуться чудом выжившим? Нет, не пойдет. Я ни названия (или номера, что у них теперь?) отряда не знаю, ни имени командира, ни разных там паролей-

отзывов, да и в знаках отличия не разбираюсь совершенно. Этак меня живо уличат, сочтут мародером (и справедливо) и поступят так, как принято поступать с этой публикой. А меня это ну никак не устраивает!

Правда, от мысли обшарить карманы служивых я не отказался. Добыча оказалась скудной: горсть монет разного достоинства и скверной чеканки (преимущественно медных), кое-какие побрякушки (дешевка, но, может, удастся сменить на что-нибудь?), вот и все. У одного мертвеца, одетого богаче и ярче прочих (офицер, надо думать), нашлось немного серебра, пара приличных колец и очень недурной кинжал. У меня и свой имелся, но запас карман не тянет, опять же, и продать всегда можно. Лишь бы он фамильным не оказался или наградным, вот тогда хлопот не оберешься... Присмотрелся я и к прочему оружию, подумал-подумал, но решил не брать. У этого покойника было что-то вроде тяжелой шпаги, а я к ним непривычен, хотя орудовать и умею. Нет уж, останусь при своем. Тем более что у шпаги этой как раз вон какая-то гравировка вдоль лезвия, как бы и впрямь не фамильная...

Больше ничего полезного я не обнаружил. Может, если поискал бы получше, нашел, но я не собирался обшаривать все поле боя. Так, нагибался к тем, кто под ноги попадался.

Солнце стояло уже высоко, когда я вошел под кроны деревьев. Если память не изменяет, где-то здесь я видел ручей... Он и нашелся там, где я его искал, порядком затоптанный и загаженный. Пришлось подняться выше по течению, забираясь в чащу, но так было даже лучше: во-первых, по лесу, по кустам да бурелому мертвяки особенно за мной

не почешут, во-вторых, мне послышались характерные птичьи крики, а это вполне могла оказаться разведка неприятеля. Я, конечно, теперь сам по себе, но противник-то об этом не знает!

Безжалостно затоптав первую весеннюю травку, нашел на берегу ручья место посуше, опустился на колени и тщательно умылся. Зеркало из бегущей воды было так себе, но неподалеку удалось отыскать подходящую лужу: на то, чтобы оценить, сильно ли я буду выделяться среди всякого сброда, сгодится.

Ну что ж... Физиономия как физиономия, совершенно ничего выдающегося. Бледновата, правда, так ведь весна на дворе, когда бы мне загореть было? С другой стороны, у тех мертвых вояк лица обветренные, а у меня не особенно... Ну ладно, допустим, я отсиживался всю зиму у какой-нибудь вдовушки, а может, вообще раненый лежал. Сойдет.

Те парни коротко стригли волосы — как знать, это потому что они солдаты или теперь везде так принято? Если первое, то и ладно, а если второе — я буду обращать на себя внимание своим хвостом. Правда, с неровно обрезанными ножом волосами я стану привлекать чужие взгляды еще сильнее, так что пусть уж остается как есть.

Одежда... Вот с ней я возился долго, отдирая все мало-мальски приметные бляшки, ненужные пряжки, цепочки и прочие украшения. Хозяин падок был на них как сорока, считал, что так я внушительнее выгляжу! Может быть, только сверкать этими финтифлюшками я не желал. А так сойдет: рубашка, штаны — самые обыкновенные. Куртка, правда, старомодного покроя, но если не присматриваться, то ничего. Впрочем, бродяги какого только тряпья на

себе не таскают! А вот сапоги — тут я с тоской взглянул на них, — сапоги никуда не годятся. В таких только на пригорке стоять и командовать, а после пары дневных переходов они прикажут долго жить. Но это проблема решаемая: достаточно вернуться на поле боя и снять обувь подходящего размера с кого-нибудь из солдат. Вообще-то, я посматривал на офицера, но у того оказалась прямо-таки девичья ножка, нечего и думать втиснуться в его сапоги, как ни жаль. Ну и ладно, у солдат они попрочнее... наверно.

Мертвяки, пока я раскладывал по кучкам добычу, плескался в ручье (заодно собрал горсть подходящих камешков разных цветов) и искал обувь, откочевали по другую сторону моего командирского пригорка, сбились плотной толпой и явно что-то замыслили. Либо просто не могли решить, в какую сторону двигаться. С ними это бывает, когда руководить некому: часть толпы идет вправо, другая — влево. Ну, это мне на руку. Пока они разберутся, где пожива лучше, пока куда-нибудь двинутся, я буду уже далеко.

Только... в какую сторону идти?

Туда, откуда мы наступали, нельзя. В те края сейчас движется победоносная армия противника, зачищая остатки хозяйского воинства. В противоположную — тоже не стоит, могут сцапать. Наверняка там сейчас ловят прорвавшуюся нечисть, патрули какие-нибудь шастают, да хоть просто подкрепление идет! Если сочтут за дезертира, загонят в какую-нибудь штрафную роту — и это в лучшем случае. А вот если примут за шпиона, тогда я никому не позавидую.

Стало быть, решил я, пораскинув мозгами, двинутка на север. Те места война зацепила самым краеш-

ком, так что вид вооруженного человека особенного удивления не вызовет, равно как и желания поймать его и допросить, кто таков и откуда. Идет себе и идет, лишь бы не трогал никого, а я задираться и не собираюсь. Лишь бы ко мне никто не полез. Тогда, глядишь, обойдется...

— Бывайте, ребята, — сказал я мертвякам, поправил амуницию и зашагал прочь от этой дурацкой войны.

Во всяком случае, в тот момент я искренне так думал.

Глава 2

В том, что я существенно ошибся, убедился уже на вторые сутки. Первые пролежал в придорожной канаве, дожидаясь, пока мимо протянется бесконечный обоз. И что, спрашивается, меня потянуло на большак? Решил, что по дороге идти легче? Да, как же! После этого обоза что по колее, что по непаханому полю — все едино: грязи по колено, всего прочего тоже достаточно, только и смотри, как бы не вляпаться.

Идти пришлось по самой обочине, то и дело останавливаясь, чтобы счистить с сапог налипшую грязь, иначе казалось, будто я тащу на каждой ноге по ведру с глиной. Вдобавок, интенданта того погибшего отряда определенно стоило если не повесить, так хотя бы выпороть: хваленые солдатские сапоги всем своим видом намекали на то, что вот-вот прикажут долго жить. Наверно, прежний хозяин о них заботился, чистил и смазывал, даже если до того шагал сутки напролет по разбитой дороге... Увы, выхо-

да у меня не было, разве что разуться и идти дальше босиком. При нужде я бы так и сделал, но хотелось все-таки выглядеть пристойно, да и месить грязь я предпочитал, будучи обутым.

Вопрос-то решаем, только нужно отыскать какую-никакую деревеньку. Уж, наверно, там найдется сапожник. А не найдется, так удастся купить дешевенькие опорки, чтобы дотянуть до другого местечка...

Деревни, как нарочно, не попадались. Нет, вру: видел одну чуть поодаль. Вернее, то, что от нее осталось: печные трубы да развалины пары-тройки домов. Сгорела она не вчера — запах давно выветрился, — а как бы еще не зимой. Здесь искать было нечего, и я двинулся дальше.

Вокруг было пусто, голые заброшенные поля и местами горелый, едва-едва зазеленевший лес навевали уныние. Пронзительно кричало воронье, и первое время я вздрагивал от каждого вопля. Потом привык и перестал: ясно, что ни хозяйских пташек, ни неприятельских разведчиков здесь нет. А если кто и появится, вряд ли их заинтересует одинокий путник, плетущийся по разбитому тракту. Тем более, подозреваю, колером я сливался с окружающим пейзажем. Особенно если взглянуть сверху.

С другой стороны, наконец-то стало тихо (ворон можно не принимать в расчет): ни тебе команд, ни рева боевых хозяйских тварей, ни свиста стрел, ни предсмертных воплей... Тишина, ветер шелестит сухой прошлогодней травой, под ногами мерно чавкает грязь, в канаве журчит ручеек, кто-то заунывно матерится...

Матерится?!

Я очнулся и огляделся. Звуки разносились далеко, и по всему выходило, что ругань слышится из чахлой придорожной рощицы либо из-за нее. Судя по тому, что невидимый субъект скучно и неизобретательно поносил какую-то скотину, эта самая скотина сбежала и теперь не желала возвращаться в родное стойло. Ну или что-то в этом роде.

Так или иначе, здесь жили люди, и к ним можно попроситься на постой. Не то чтобы я сильно в этом нуждался, но очень хотелось счистить грязь с одежды (и с себя тоже), а заодно прояснить вопрос с пошивом сапог. Ну вдруг в эту глушь забрался именно сапожник? Надежды мало, но я и не такие совпадения помню...

Проклиная все на свете, а особенно здешнюю сырую весну и хозяина, которому взбрело в голову воевать по самой распутице (надеялся, что враг увязнет, да не рассчитал, сам застрял со своими тяжело-весными ездовыми монстрами и неповоротливыми мертвяками), — я проломился сквозь рощицу и остановился. Невдалеке виднелся хуторок — низкая крыша дома, покосившиеся сараи, зато забор внушительный. Над трубой курился дымок, и это вселяло надежду.

— Пошел, поше-ол... — разорвался совсем неподалеку хозяин этого райского местечка. — Ну, мертвый!..

Я невольно вздрогнул, но тут же понял, что обращение относится к лошади. Селянин, по-моему, пытался распахать полоску земли что посуше, но плуг напрочь увяз в глинистой земле, и изможденной коняге было не под силу сдвинуть его с места, как ни нахлестывал мужичонка тощие бока.

Я пригляделся: гнедой конь оказался крупным, каким-то больно уж рослым для крестьянского. Среди них обычно попадаются невысокие, крепенькие, неприхотливые лошадки, а не такие дылды. Да и стати...

— Что ж ты делаешь, изверг! — рявкнул я и зашагал к мужичонке прямо по пашне. Хм, ну, пашней это глинистое болото мог назвать только очень большой любитель земледелия. — Совсем с ума съехал?!

— Э, э... — Тот живо отскочил от плуга и вытащил из-за пояса топор. — Чего надо? Кто таков?

— Последнего разума лишился, что ли? Додумался — верховую лошадь в плуг запрячь! — До землепашца мне дела не было, я пробрался к коню, свесившему голову и тяжело поведившему боками. — Как он у тебя еще копыта не отбросил!

В порыве праведного негодования я начисто позабыл, что к лошадям мне приближаться не стоит. Правда, этому коню явно было все равно — он меня подпустил и даже позволил взять себя под уздцы. А доводилось видеть, как самые доходящие одры взвивались на дыбы, стоило мне протянуть к ним руку! Похоже, крестьянин уходил этого красавца мало не насмерть...

Первым порывом было попросту срезать упряжь, но я тут же сообразил: за ущерб придется платить, да и лишних обид учинять не следует.

— Распрягай, — велел мужичонке, опасливо топтавшемуся поодаль. Он и сбежать не мог, бросив коня и плуг, и подойти боялся — вид у меня был достаточно грозный. — Кому говорю? А то сейчас напластаю сбрую на мелкие кусочки, как чинить будешь?

— Да это... ну, того... — пробормотал он.